

В голове Чу Чжаохуая воцарился полнейший сумрак. В панике он уже вообразил, как безумный Цзи Сюнь велит отрубить ему ноги, и был готов немедленно пасть ниц, моля о пощаде.

Но князь внезапно разжал пальцы.

Чжаохуай, не теряя ни секунды, отполз в самый дальний угол постели, глядя на супруга с опаской и трепетом.

— Чего ты боишься? — Цзи Сюнь убрал руку, всё ещё хранившую чужое тепло.

Он слегка сжал кулаки, но холодные пальцы не могли удержать это мимолётное ощущение. Князь лишь раздражённо прикрыл глаза, словно теряя терпение:

— Спи.

Чу Чжаохуай замер в углу, обхватив колени руками и едва смея дышать. Он искоса наблюдал за мужем.

Цзи Сюнь казался смертельно уставшим — дыхание его вскоре стало ровным и глубоким. Он уснул.

Чжаохуай облегченно выдохнул и, точно гусеница, потихоньку закопался в одеяло, прижавшись к самой стене.

«Ничего, завтра мы вернёмся в усадьбу, и мне больше не придётся делить с ним ложе»

Глубокой ночью угли в жаровне начали гаснуть. Тёмной страже Ванье велел охранять келью снаружи, и внутри не осталось никого, кто мог бы подбросить дров. Холод начал медленно просачиваться сквозь щели, окутывая комнату со всех сторон.

Дрожа от ночной прохлады, Чжаохуай во сне инстинктивно потянулся к источнику тепла. Несколько раз беспорядочно дрыгнув ногами, он привычно скатился в объятия Цзи Сюня.

Князь снова проснулся от чувствительного толчка. Когда он открыл глаза, взор его был по-настоящему мрачным.

Лекарь, ничего не подозревая, уютно устроился на его груди. Руки юноши бессознательно тербели ворот князя, распахнув его, а ровное, тёплое дыхание щекотало кожу. Чжаохуай выглядел на редкость покорным.

С потемневшим лицом Цзи Сюнь протянул широкую ладонь к шее юноши — казалось, он вот-вот сомкнёт пальцы на его горле.

Но не успел он коснуться подбородка спящего, как Чжаохуаю во сне почудилось, будто в его ветхую лачугу в Линьане снова пробрался какой-то гадкий жук. Привычным движением он наотмашь ударил его рукой.

Раздался звонкий, отчётливый «шлепок».

Цзи Сюнь: «...»

От этого резкого взмаха из широкого рукава Чжаохуаю что-то выскользнуло и с тихим стуком покатило по подушке.

Лицо князя заледенело. Он подобрал предмет.

Это был нефритовый флакон, наполненный иссиня-черными пилюлями.

Чжаохуай обычно жалел нефрит для хранения простых вещей, так что это наверняка был тот самый яд, что даровал ему Бай Хэчжи.

Цзи Сюнь сжал флакон в пальцах, затем посмотрел на спящего в его объятиях человека. Гневная, яростная аура, только что захлестнувшая его, внезапно отступила, сменившись странным чувством беспомощности.

Помедлив, князь осторожно взял юношу за запястье и спрятал флакон обратно ему в рукав.

Чжаохуай вздрогнул от прикосновения холодной руки и лишь теснее прижался к чужому телу. Окутанный теплом, он погрузился в дивный сон.

Ему снилось, что он благополучно покинул столичную усадьбу и вернулся в свой заветный Линьань. Там он наконец купил дом, о котором мечтал, и даже обзавёлся женой и сыном.

И пусть супруга с ребёнком были невероятно расточительны и обожали наряды, Чжаохуай, будучи прославленным врачом, зарабатывал достаточно, чтобы потакать их прихотям. Ему больше не нужно было дрожать над каждым медным грошом.

Семья жила в полной гармонии, и юноша во сне едва не задохнулся от счастья.

Уложив ребёнка, он притянул жену к себе на ложе, чтобы насладиться близостью. В тумане грез широкая ладонь «супруги» властно легла на его талию и начала медленно скользить вверх

под одежду. Сквозь тонкую ткань рубахи проступили очертания крепких предплечий.

— М-м...

Чжаохуай почувствовал, как эта рука ласково поднимается от живота к груди, вызывая волну томительного жара, которая мгновенно разошлась по всему телу. Затем горячий поцелуй, полный нескрываемой страсти, коснулся его шеи.

Прижатый «женой» к постели, Чжаохуай внезапно ощутил некую странность. Издав сдавленный стон, он вскинул голову и, тяжело дыша, прошептал:

— Жена?

«Жена» лишь тихо хмыкнула и небрежно отозвалась:

— Потише, не разбуди ребёнка.

Чжаохуай поспешно зажал рот ладонью:

— Ой, да-да...

Действия «супруги» становились всё более дерзкими и заходили слишком далеко.

Закусив палец, юноша почувствовал, что дело принимает совсем уж дурной оборот. В тумане сна он запустил пальцы в рассыпавшиеся чёрные пряди «жены» и рывком заставил её поднять лицо.

«Жена»... Цзи Сюнь, с насмешливым блеском в глазах и растрепанными волосами, спросил его:

— Муженёк, отчего же мы до сих пор не разделили ложе?

Чу Чжаохуай: «...»

Лекарь онемел от ужаса.

«Но ведь у нас уже есть ребёнок! Как он мог появиться, если мы не разделяли ложе?!»

В колыбели неподалеку, с трудом втиснувшись в тесное пространство, лежал здоровенный Цзи И. Дрыгая ногами, он вопил на всю комнату:

— Матушка! Матушка, эта кровать такая маленькая!

Чжаохуай распахнул глаза, судорожно вдыхая воздух.

Проснулся.

Сон был настолько чудовищным, что лоб юноши покрылся холодной испариной, а промокшие пряди волос прилипли к щекам. Он ещё долго не мог прийти в себя, хватаясь за сердце. Взгляд его был блуждающим — ещё немного, и беднягу и впрямь хватил бы удар.

О небеса! Почему ему приснилось подобное?!

Первая половина сна была столь прекрасна, так почему же всё закончилось этим кошмаром?!

Чжаохуай со стоном уткнулся лицом в подушку, желая лишь одного — удариться головой так сильно, чтобы навсегда забыть увиденное. К счастью, Цзи Сюня уже не было в келье, иначе лекарь просто лишился бы чувств прямо при нём.

Пока он в отчаянии бился головой о подушку, снаружи раздался знакомый голос:

— Чу Чжаохуай... Эй! Дома мне преграждал путь Чжао Бо, а здесь ты?! Разве мы не договорились, что между сверстниками не должно быть секретов?

Инь Чжуншань ответил:

— Ванфэй ещё не совершил омовение и не оделся. Шицзы не подобает врываться к нему столь внезапно.

Чу Чжаохуай: «...»

«Сын» пришёл.

С трудом подавив головную боль, юноша нехотя поднялся, умылся и оделся. Цзи И, услышав шум, уже по-хозяйски ввалился внутрь.

— Уже солнце в зените, а ты только глаза продрал? Живее, мы возвращаемся.

Чжаохуай вытер лицо и бросил на него быстрый взгляд. Перед глазами тут же всплыло лицо этого детины, ревающего в крошечной люльке. Зрелище было невыносимым. Он поспешно отвел взор:

— Да, сейчас буду... А Ванъе где?

— У отца, кажется, дела появились. Уехал в столицу на рассвете.

Чжаохуай облегченно выдохнул.

«И слава богам»

Завершив сборы, юноша ещё раз поклонился статуе Будды в главном зале монастыря, и лишь после этого они отправились в обратный путь в карете Лян Фана.

По дороге «Шэньи» Чу ещё раз проверил пульс Лян Фана и выписал новый рецепт, снова получив в ответ ворох восторженных похвал. Чжаохуай со всей серьезностью выводил иероглифы:

— Это снадобье проясняет разум и бодрит. Боюсь, приняв его, ты пролежишь с открытыми глазами до самого утра. Зайди в усадьбу за моими особыми пилюлями — примешь перед сном, и тогда сон твой будет глубоким и спокойным.

Лян Фан почтительно кивнул:

— Как скажете, Божественный лекарь.

Чжаохуаю снова захотелось рассмеяться.

Впрочем, Лян Фан так усердно величал его «Шэньи», что сопровождавший их Инь Чжуншань наверняка доложит об этом князю. Может, так его личность «Бай Цзи» раскроется сама собой?

Бай Цзи — лишь его прозвище, и в семье Бай из Линьяня о нём знали немногие. Цзи Сюнь человек крайне осторожный; если Чжаохуай сам предложит помощь, тот может заподозрить неладное. Более того, в его шкафчике полно ядов. Если князь решит, что лекарь задумал его отравить — головы тому не сносить.

Чжаохуай вздрогнул. Нужно найти способ, чтобы Цзи Сюнь как бы случайно узнал правду.

В карете лекарь во всеуслышание обсуждал с Лян Фаном «лечение от яда». Тот, уловив намерение друга, охотно поддакивал, стараясь, чтобы Инь Чжуншань снаружи расслышал каждое слово. Лишь Цзи И непонимающе щёлкал семечки, не в силах сообразить, о чём эти двое толкуют.

В полдень они наконец достигли ворот усадьбы Цзин-вана.

Чжаохуай отправился в спальню за лекарствами для Лян Фана, но, едва переступив порог, замер. Комната казалась пустой — взгляд не встречал привычных преград. Юноша пошатнулся и едва не упал.

Шедший следом Лян Фан подхватил его:

— Что случилось, Шэньи?

Чжаохуай задрожал, глаза его мгновенно наполнились слезами:

— Где... Где кровать-альков Божественного лекаря?!

Огромная кровать бесследно исчезла. А вместе с ней пропал его шкафчик, бальзамины, мушмула и несколько сундуков с серебром. Неужели в поместье пробрались воры?

Видя, как побледнел лекарь, Цзи И поспешно принялся его успокаивать:

— Всё в порядке! В усадьбе князя никто не посмеет воровать... Чжао Бо! Чжао Бо, куда делась кровать из этой комнаты?!

Чжаохуай, едва сдерживая рыдания, шептал:

— Куда же она делась, куда же она делась...

Из дверей примыкающего к спальне Тёплого павильона вышел Чжао Бо. Увидев состояние Ванфэй, он всплеснул руками:

— Ох, Ванфэй вернулся! Что же вы в таком расстройстве? Все ваши вещи перенесли в Тёплый павильон по соседству, ничего не пропало.

Чжаохуай, приходя в себя, бросился в ту сторону, куда указывал дворецкий.

Спальня была просторной, и Тёплый павильон полностью переоборудовали. Там, в глубине комнаты, стоял его драгоценный шкафчик. Всё было на месте. Юноша подбежал к нему; сердце всё ещё бешено колотилось от страха. Присев на корточки, он принялся лихорадочно ощупывать древесину, пока пальцы не наткнулись на вырезанные рукой госпожи Бай иероглифы «Долголетие на сотню лет». Лишь тогда он окончательно успокоился.

Он всерьез испугался, что этот шкаф снова выбросили вон. Лян Фан и Цзи И переглянулись.

Чжао Бо, чувствуя вину за испуг юноши, опустился рядом с ним и мягко похлопал по подрагивающей спине:

— Не бойтесь, Ванфэй. Ванъе услышал, что та кровать вам не по нраву, вот и велел слугам за эти дни подготовить Тёплый павильон. Все ваши вещи здесь... Смотрите, даже этот мешочек никто не тронул.

Чжаохуай поднял покрасневшие глаза и смущённо пробормотал:

— Чжао Бо, в этом мешочке апельсиновые корки. Их нужно выбросить.

Чжао Бо: «...»

Видя, что юноша повеселел, дворецкий добродушно улыбнулся:

— Хорошо-хорошо, сейчас же прикажу выбросить.

Радуюсь возвращению своих сокровищ, Чжаохуай выудил из-за пазухи ключ, отпер шкафчик и принялся искать лекарства для Лян Фана. Цзи И и Лян Фан присели рядом, наблюдая за ним.

Цзи И вдруг глухо произнес:

— Чу Чжаоцзян ведь обижал тебя, да?

Чжаохуай удивленно вскинул голову:

— И что, ты снова хочешь его побить? Подержи-ка вот этот ларец.

Цзи И послушно принял ящичек с мелочами и проворчал:

— Разве мне нужен повод? Вот пятнадцатого числа откроется Гоцзыцзянь, посмотрим, хватит ли у него наглости там показаться.

Лян Фан потянул его за золотую подвеску на волосах, призывая замолчать:

— Божественный лекарь, хоть усадьба маркиза Чжэньюань и лишена титула, Чу Цзин всё ещё занимает пост министра чинов второго ранга. В столице вам не избежать встреч с ними. Когда будете выходить в город, берите с собой побольше людей.

Чжаохуай задумался:

— А если я решу нагрянуть к ним с визитом... сколько людей мне понадобится?

Друзья замерли от неожиданности. Цзи И тут же придвинулся ближе:

— Ты хочешь ворваться в усадьбу маркиза?! Вот это дело! Возьми меня, а ещё отца позовём — нас двоих хватит за глаза!

Чжаохуай строго посмотрел на него:

— Я собираюсь вернуть вещи, оставшиеся от матушки, а не развлекаться.

Цзи И возмущенно нахмурился:

— Этот маркиз до сих пор удерживает вещи твоей матери?! Где же справедливость? Когда пойдем? Я тайне позову Инь Чжуншаня, он в драке просто зверь.

Чжаохуай спросил:

— А ещё люди найдутся?

— Найдутся, — подхватил Лян Фан. — Если нужно, у меня есть несколько умелых бойцов, я с радостью одолжу их вам.

Цзи И добавил:

— Можно и дворцовую стражу задействовать.

Чжаохуай кивнул:

— Третьего и четвёртого числа я должен делать иглоукалывание Лян Фану. Значит, пойдём шестого.

Цзи И из любопытства уточнил:

— А почему не пятого?

— Пятого числа я буду занят — нужно проводить «призрака нищеты».

Цзи И, Лян Фан: «...»

«Наш лекарь, оказывается, весьма суеверен»

Передав лекарства Лян Фану, Чжаохуай пообедал вместе с Цзи И и принялся ждать вестей от Цзи Сюня. По логике вещей, Инь Чжуншань уже должен был рассказать князю о «Божественном лекаре». Яд в крови Ванъе столь силён, неужели он не поспешит немедленно просить о приёме?

Чжаохуай ждал. Ждал, задрал ноги, ждал, развалившись на кушетке...

Наступил вечер, подали ужин, а от Цзи Сюня не было ни слуху ни духу. Помешивая своё лечебное варево, юноша уныло думал:

«Вы вот-вот упустите гениального лекаря, способного вернуть любого с того света»

Ванфэй готовил себе отдельно, и стоило подойти времени ужина, как Цзи И уже был тут как тут — врывался шумным вихрем и привычно тянулся палочками к тарелкам.

— Осторожнее, — нахмурился Чжаохуай, подворачивая и закрепляя широкие рукава мальчика.
— Ты ведь Шицзы, а ешь без всякого приличия.

Цзи И покосился на него:

— Кто не знает правды, решил бы, что ты моя матушка.

Чу Чжаохуай: «...»

Кошмар, о котором он забыл за день, с новой силой обрушился на него. Он мгновенно отдёргнул руки и холодно произнес:

— Почему Шицзы снова пришёл объедать меня? Сегодня на тебя не рассчитывали.

— Да ты ведь и половины не съедаешь, — Цзи И уже перестал церемониться. Он отправил в рот кусок мяса и небрежно добавил: — Я как раз из переднего двора. Встретил там одного человека... Ни за что не угадаешь, кого!

Чжаохуай с интересом посмотрел на него:

— Кого же?

— Бай Цзи!

Рука лекаря замерла. Ему показалось, что он ослышался:

— Кого?

— Того самого прославленного лекаря из Цзяннани — Бай Цзи, — ответил Цзи И. — Говорят, отец его сам разыскал. Тёмная стража вела его, и непонятно было, заводят его в усадьбу или уводят прочь. Но раз он Шэньи, значит, приехал лечить моего отца. Эх, как хорошо, наконец-то недуг Ванъе...

Не успел он договорить, как Чжаохуай резко вскочил из-за стола и с мрачным видом направился к выходу.

— Эй-эй! Ты уже наелся? — пробормотал Цзи И. — Совсем мало съел.

Чжаохуай шёл к кабинету Цзи Сюня, и лицо его становилось всё суровее. Настоящий Бай Цзи — это он. Раз князь привез какого-то самозванца, значит, он угодил в чью-то ловушку.

Все твердят, что Цзин-ван Цзи Сюнь — мастер стратегии, а он угодил в столь очевидную западню. Похоже, слухи и впрямь во многом преувеличены.

Беспольный. Придётся Божественному лекарю самому спасти положение.

<http://bllate.org/book/15341/1411576>